

КУЛЬТУРА И ОБЩЕСТВО

ВЛИЯНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА БИЗНЕС-СРЕДУ: ПРОБЛЕМА ВЫБОРА АНАЛИТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ

Степанов А.А.

Термин «политическая культура» по своему существу давно не нов, однако до сих пор нет единого подхода к его пониманию, поскольку отсутствуют какие-либо очевидные категории для ее измерения. Несмотря на популярность данного термина в западной научной литературе, в России из-за расплывчатости смысловой нагрузки, которую несет в себе «политическая культура», большинство исследователей так или иначе стараются избегать данного понятия в своих работах. В то же время можно с уверенностью утверждать, что политическая культура, чтобы в итоге не понималось в узком смысле под данным понятием, оказывается определенное влияние на установившуюся бизнес-среду. На основе анализа наиболее распространенных подходов к пониманию термина «политическая культура» западным обществом, в данной работе авторы попытались адаптировать западные концепции к российским реалиям с целью дальнейшего изучения влияния политической культуры на изменение бизнес-среды.

Ключевые слова:

Политическая культура, бизнес-среда, деловая среда, аналитическая стратегия, концепт политической культуры, бизнес и власть, зарубежные исследования, западная мысль, специфика российской культуры.

ВВЕДЕНИЕ

Политическая культура является, с одной стороны очень интересным концептом, а с другой стороны концептом очень противоречивым. Противоречивость данного концепта заключается в том, что само по себе словосочетание «политическая культура» у многих исследователей вызывает определённый скептицизм, в первую очередь из-за того, что этот феномен является трудно осязаемым. То есть его определение, и, тем более, измерение, является нелёгким, поскольку нет каких-

либо определённых самоочевидных категорий, в которых можно было бы измерить политическую культуру. Более того, если говорить в терминах Сартори [45], то этот термин обладает существенной концептуальной натяжкой. То есть, поскольку политическую культуру трудно измерить, многие «несознательные исследователи» используют её для того чтобы объяснить что-то, что они не могут объяснить при помощи привычных и более легко измеримых политических катего-

рий, что в конечном счёте приводит к расплывчивости и рыхлости искомого концепта. Однако вместе с тем политическая культура очень интересна в том смысле, что, в принципе, несмотря на весь скепсис относительно её измеримости, исследователи единодушны в том, что она каким-либо образом влияет на политические процессы.

Всё это делает политическую культуру, безусловно, важным объектом для изучения. Что подтверждается многочисленными работами на эту тему, которые приводят, как к формированию теорий на высоком уровне абстракции [34], так и к серьёзным эмпирическим исследованиям [62]. Однако стоит отметить, что, несмотря на определённую популярность этого концепта в западной литературе, в отечественной литературе многие исследователи осознанно или неосознанно стараются избегать применения данного термина в своих работах. К примеру, работа Р.Ф. Туровского [26], посвящённая территориальным паттернам голосования в Российской Федерации, если сравнивать её с западными публикациями, может быть охарактеризована как работа, описывающая политическую культуру, однако автор ни разу не упоминает в своей работе слово «культура» в принципе. На наш взгляд, это в первую очередь связано с тем, что «политическая культура» в отечественном научном сообществе стало в некоторой степени стигматизированным понятием, однако это не значит, что нет работ, которые прямо или косвенно её описывали бы. Но, стоит отметить, что эта стигматизация, на наш взгляд, мешает обобщению имеющегося по этой теме знания.

Кроме того, можно предположить, что стигматизация данного концепта так же обусловлена тем, что «несознательные исследователи», которые пытались необдуманно применить теории, разработанные в западной традиции, к российским реалиям сталкивались собственно с неприменимостью (как минимум без соответствующей адаптации) этих теорий для анализа российской ситуации.

Однако даже в западной литературе, где концепция «политической культуры» носит более нейтральный характер, немного работ, которые рассматривают влияние политической культуры на деловую среду [39], хотя деловая среда весьма важна, в контексте изучения взаимоотношений власти и бизнеса. В отечественном научном сообществе этот вопрос так же мало рассматривается, хотя, с высокой степенью вероятности можно утверждать, что политическая культура влияет на деловую среду. Однако каким образом она на неё влияет и есть ли у этого влияния какие-либо специфические российские черты - неизвестно.

Таким образом, в данном исследовании мы попытаемся ответить на вопрос: какой может быть сформирован концепт российской политической культуры для анализа её влияния на деловую среду?

В данном контексте проблема, которую мы перед собой видим, заключается в том, что в отечественной литературе недостаточно разработан концепт политической культуры, отсутствует систематическое описание подходов, используемых исследователями при изучении данного феномена. А это затрудняет исследователю выбор аналитической стратегии, а также формирование гипотез о влиянии политической культуры на какие-либо явления и процессы, в том числе, и на деловую среду.

ОБЗОР ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ РАЗВИТИЕ КОНЦЕПТА ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Для того чтобы начать концептуализацию необходимо проследить историю становления термина. «Политическая культура» как специфический термин встречался ещё в трудах мыслителей 18-го века, однако развился он в полноценную концепцию только в середине века 20-го. В принципе, можно отметить, многогранность понятия «культуры», как пишет Г.И. Мусихин [16], ссылаясь на другую работу [49]: «в одной из

первых крупных обобщающих работ, посвящённых смыслам культуры, было выявлено 164 последних», что в свою очередь делает трудным и определение «политической культуры» как термина. Так П.Р. Формисано [45] подчёркивает, что «существует около 35 - 40 эмпирических трактовок политической культуры и около 100 теоретических трактовок».

Однако, несмотря на это, многие исследователи, в том числе и очень именитые, находят - и находят успешно - применение этому концепту. К примеру, в одной из своих работ Р.Ф. Инглхарт [47] утверждал, что влияние политической культуры в разных обществах имеет серьёзные экономические и политические последствия.

Да и в целом, можно сказать, что «политическая культура», несмотря на всю свою многогранность, достаточно популярный термин у различных серьёзных исследователей. В разное время на эту тему писали такие зарубежные исследователи как «Гирц, Пай, Таккер, Диттмер, Элкинс, Саймон и другие» [45].

Мы изначально разделяем позицию Стефена Чилтона [38] и считаем, что «политическая культура это потенциально мощный, объединяющий концепт политической науки». В данной главе мы разберём проблемы концепта политической культуры, основные споры, связанные с ним, а также в целом развитие этого концепта в зарубежной литературе.

Первая критика, которой подверглась политическая культура, была связана, как ни странно, с повсеместным использованием этого термина. Среди критиков можно отметить Дж. Х. Бейкера [36], который утверждал, что «политическая культура», как концепция, имеет достаточно большую популярность, несмотря на то, что у этого термина существуют серьёзные трудности с определением. Так же он добавлял, что, в сущности, многие исследователи используют этот термин как некое «умное» слово (*buzz-word*),

значение которого доподлинно неизвестно, но которое сразу придаёт весомости выстроенному объяснению. Вторил ему и Дж. Х. Силвия [62], говоря о политической культуре, как об «аморфном» концепте, который «слишком легко циркулирует в разных ипостасях». Так же и Л.В. Пай [61] критиковал многих исследователей за то, что те, не давая политической культуре определения, часто использовали её в качестве «недостающего звена», которым они заполняли пробел в своём объяснении.

Если обобщить всю эту критику, то станет ясно, что её первопричина лежит не в самой политической культуре, а в «концептуальной натяжке», которая вызвана неправильным и безответственным использованием термина многими «несознательными исследователями». Собственно, в одной из своих работ Пай [61] объясняет механизм возникновения подобной концептуальной натяжки. По его мнению, в концептуальной натяжке виноваты, в первую очередь, безответственные исследователи, которые используют этот термин интуитивно, не давая ему чёткого определения в своих работах и именно в этом заключается ключевая проблема. Таким образом, исследователь даёт понять, что политической культуре требуется чёткое и недвусмысленное определение.

И одним из первых, кто попытался это определение дать, был Г. Алмонд, который в 1956 году писал, что «политическая культура - это особый образец ориентации по отношению к политическому действию» [33]. Однако настоящим толчком к пониманию и использованию политической культуры было совместное исследование Г. Алмонда и С. Вербы 1963 года [34], в котором они определили её следующим образом: «Понятие «политическая культура» указывает на специфические политические ориентации - установки (*attitudes*) по отношению к политической системе и ее различным частям и установки по отношению к собственной роли в системе... Это совокупность (*set*) ориентаций по отношению к особой совокупности

(special set) социальных объектов и процессов ... Когда мы говорим о политической культуре общества, – поясняют далее американские социологи, – мы имеем в виду политическую систему, интернализированную в знаниях, чувствах и оценках его членов» [34]. Это определение и, в целом, подход Г. Алмонда и С. Вербы, стал одним из самых популярных и в настоящий момент, можно сказать, приобрёл статус классического. Секрет такого успеха был в том, что это определение было понятно, конкретно, и, что самое важное, выдержано в традиции конкретной методологии – бихевиоризма, что открывало возможность для использования политической культуры в качестве эмпирической исследовательской переменной. В дальнейшем многие исследователи пытались развить и уточнить, предложенный Г. Алмондом и С. Вербой концепт [37].

Кроме того, эта статья Г. Алмонда и С. Вербы дала исследователям, вследствие своего прикладного характера, простор для творчества и породила множество типологий политической культуры.

Прежде всего, это была типология самих Г. Алмонда и С. Вербы. Исследователи выделяли три типа политической культуры:

- «парохиальный» (от англ. parochial – приходской), когда у населения полностью отсутствуют знания о политике и политической системе;
- «подданнический» (от англ. subject – подданный), которому свойственны «пассивное политическое поведение»;
- «партиципаторный» (от англ. participation – участие), или «рационально-активистский», где индивиды активно участвуют в политической жизни, пытаясь воздействовать на процессы принятия решений» [34].

Однако это определение и типология так же подверглись изрядной критике. Некоторые исследователи, критиковали их за

предрасположенность к количественным методам, которые стали доминировать в исследованиях политической культуры, за, собственно, недостатки и исходные предпосылки самих количественных методов [61]. Другие исследователи отмечали, что предложенный концепт и следующая из него типология, по сути, не оставляют обществу возможности для изменения [40].

Кроме того, выработанный концепт политической культуры упрекали за исключение из объяснительной конструкции любого рода общественных или политических организаций и структур. К примеру, Д.Х. Левайн отмечал, что: «Не соотнося ценности с классом или институциональной позицией, такие мыслительные подходы игнорируют силу принуждения и интересы, которые усиливают конформизм» [51].

Наконец, некоторые исследователи видели перспективу развития политической культуры в качестве междисциплинарного концепта, который потенциально способен выйти за рамки какой-то одной методологии и критиковали подход, предложенный Г. Алмондом и С. Вербой, за то, что он не оправдал этих ожиданий [42].

Однако, несмотря на все существующие споры и противоречия, можно с уверенностью сказать, что зарубежные исследователи сходятся в одном: «Политическая культура» может быть исследована в любых обществах. И, хотя формулирование и операционализация концепта, возможно, требуют новых методов, данных и новых теорий, сам по себе концепт не представляет из себя проблемы» [38].

Таким образом, исходя из только что разобранной нами литературы, мы можем выделить несколько существенных расколов в зарубежном научном сообществе на тему политической культуры, которые собственно не позволяют выработать новых методов и теорий. Первый заключается в вопросе, что должна изучать политическая культура: индивида или структуру? Второй – в вопросе,

чем является политическая культура константой или переменной?

И можно сказать, что на первый вопрос, зарубежное научное сообщество склонно отвечать, что структура, при обсуждении политической культуры, безусловно, важна, однако сама по себе отдельно ничего от неё не скажет. Но, если изучать индивида, включённого в структуру, то приращение научного знания станет куда больше. Поэтому в последнее время авторы склонны включать в собственные определения, как индивида, так и институты. В качестве примера можно привести одно из наиболее современных и, возможно, удачных определений, Р. В. Джекмана и Р. А. Миллера [49]: «Политическая культура - это отличительные совокупности взглядов, которые широко разделяются индивидами. Эти прочные совокупности формируют субъективные ориентации в мире, которые довольно сильно устойчивы к изменениям, и видятся как фундаментальные причины экономических и политических последствий. Они, в этом смысле, более важные, чем объективные условия, воплощённые в институтах, поскольку они устойчивы перед лицом институциональных изменений».

В дальнейшем, мы покажем и ответ, которое зарубежное научное сообщество даёт, и на второй вопрос. А сейчас, поскольку рамки обозначенной нами проблемы и наш непосредственный научный интерес, связан именно с политической культурой России, нам кажется необходимым сделать некоторый обзор зарубежной литературы, посвящённой именно российской политической культуре.

ОБЗОР ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА В РОССИЙСКОЙ НАУЧНОЙ МЫСЛИ

Как и многие другие темы, исследования в области политической культуры получили широкое распространение в 90-х годах. То есть, в начале складывания нового поли-

тического устройства на территории бывшего СССР. Кто-то связывал необходимость изучения политической культуры с непосредственным формированием демократического режима [1, с. 1]. Кто-то при помощи этого концепта объяснял провал конкретных институциональных реформ [7]. В целом же интерес и, в некотором смысле, поворот к этой концепции обусловлен историческим контекстом. Использование политической культуры должно было позволить выяснить, по какой именно причине проведённые в пост-советской России реформы (в широком смысле этого слова), которые зачастую были связаны с заимствованием разного рода политических институтов, потерпели неудачу. Политическая культура должна была объяснить, по какой причине эти, заимствованные из стран с демократическим режимом, институты работали в российских реалиях совершенно другим образом. Насколько успешно политическая культура справилась с данной задачей это отдельный вопрос, который мы в рамках данного исследования затрагивать не будем, однако можно предположить, что подобная контекстуальность могла отразиться на качестве исследований и, в конечном счёте, навредить концепту.

И, если говорить о проблемах концепта политической культуры в российском научном сообществе, то главная проблема здесь была такой же (а возможно и остаётся до сих пор), как та, с которой столкнулось западное научное сообщество во время непосредственного появления концепта. Основные обвинения в адрес политической культуры связаны с её неконкретностью и неточностью. Как писал в своей работе Ю.С. Пивоваров [20], критикуя некоторых "несознательных" исследователей: «За последнее время термин «политическая культура» превратился в один из самых модных и употребляемых у той части русских исследователей, которую можно отнести к «массовой науке».

Можно сказать, что в российской научной мысли основные обвинения по отношению к политической культуре так же связаны

с концептуальной натяжкой. И, в принципе, это не удивительно, учитывая уже упомянутую нами причину, из-за которой к данному концепту обратилось российское научное сообщество. Поскольку на начальном этапе политическую культуру в основном использовали как, уже упоминавшееся нами «связующее звено» (*missing link*, об этом говорил Л. Пай. [61]), которым безответственно заполняли пробелы в объяснении.

Многие исследования качественно страдают от того, что, используя политическую культуру в качестве центрального концепта своего объяснения, избегают давать ей чёткое определение [15]. В некоторых случаях авторы берут выработанные за рубежом концепты, и используют их для проведения собственных исследований. Предсказуемо, чаще всего используют концепт Алмонда и Вербы, однако иногда используются и другие определения, в том числе и свои собственные. Например, Д.В. Гудименко [7]. Однако это бывает не очень часто и, более того, обычно аргументированное обоснование именно такой трактовки политической культуры, а не другой, отсутствует.

Работ по политической культуре было настолько много, что в некоторых исследованиях даже была предпринята попытка по их классификации [5].

Если говорить о непосредственно характерных чертах, приписываемых российской политической культуре, то подробное описание разного рода этих черт содержится во многих работах [6].

В целом можно отметить некоторый консенсус авторов по поводу присущих российской политической культуре черт. Во многих работах в качестве характерной черты выделяется коллективизм [2]. Так же пишут о характерной для российского общества противоречивости и крайней степени гетерогенности [18]. Немало упоминаний о персонализме [9] (иногда эту черту называют вождизмом). Отмечают так же открытость политической культуры России и следующую

из этого высокую степень переимчивости [17]. Говорят и о своеобразном футуризме [21], который присущ российскому обществу. То есть, об обращённости размышлений в будущее и, вследствие этого, более пренебрежительное отношение к настоящему. Все сходятся во мнении, что (из-за традиционно высокой роли государства) в обществе сильны позиции этатизма [24]. Особенно интересна в этом смысле работа Зевиной и Макаренко «Об особенностях политической культуры современной России» [10]. Эта работа является, пожалуй, одним из самых интересных и значимых исследований по определению специфических черт российской политической культуры. В ней исследователи эмпирически подтвердили, что российская политическая культура носит отчётливый «государственнический» характер. Эта работа важна не только потому, что это одно из немногих эмпирических исследований с чётко выдержанной методологией, но и потому, что это исследование, которое приводит к очень оригинальным и важным выводам. Авторы, работая в рамках концепта, предложенного Алмондом и Вербой, разделяют общероссийскую политическую культуру на несколько, как они говорят «субкультур»: «либералы», «патриоты», «патерналисты», «лоялисты», «советские традиционалисты». Каждая из этих субкультур условно соответствует электорату какой-либо политической силы. «Либералы» - это собирательные образ сторонников партии «Яблоко» и (с учётом некоторых современных изменений партийной системы) сторонников партии «Парнас». «Патриоты» - сторонники ЛДПР; «Патерналисты» - электорат Справедливой России; «Советские традиционалисты» - КПРФ; «Лоялисты» - сторонники Единой России. Соответственно, каждая из таких субкультур является носителем определённого набора установок и ценностей и, так как в данной работе мы рассматриваем политическую культуру именно в связке с взаимоотношениями бизнеса и власти, нам могут быть особенно интересны характеристики «лоялистов» и «либералов». Предприниматели,

на наш взгляд могут находиться как в субкультуре «либералов», так и в части культуры «лоялистов». Государственные служащие же, скорее всего, преимущественно являются «лоялистами». Естественно, подобные утверждения требуют серьёзного и обоснованного исследования в качестве подтверждения, но, к сожалению, таких исследований нет. Как подчёркивают авторы, ссылаясь на другие исследования [27] «общественные интересы слабо структурированы по главной оси – отношениям собственности, а этнонациональные, конфессиональные и региональные факторы (главные «водоразделы» в субкультурах большинства зарубежных стран) важные сами по себе, не сыграли системообразующей роли в новом структурировании российского общества». То есть, единственной значимой переменной здесь являются отношения к собственности, поэтому в данном случае мы сделали некоторое предположение о том, какая профессиональная деятельность соответствует определённому отношению к собственности и, отталкиваясь от нашего предположения, позволим себе сравнить эти две «субкультуры».

«Либералы», в соответствии с исследованием Зевиной и Макаренко определяются по их отношению к ценности свободы, для них она является доминирующей. Как подчёркивают исследователи – это единственная политическая субкультура, которая является сторонником продолжения приватизации и скептически относится к участию государства в экономике. Либералы при этом полностью перешли от подданнической политической культуры к культуре активистской. То есть они полностью сформировали, в отличие от остальных групп свои требования к государству. У этой группы одновременно есть и требования к государству и проблемы с взаимодействием с государством и, как следствие, предприниматели, которые могут входить в эту группу заведомо тяжелее коммуницируют с органами власти, поскольку скептически к ним относятся.

«Лоялисты», по мнению исследователей, являются самой неоднородной группой. В данной группе присутствует значительное число людей с либеральным мышлением (с нашей точки зрения именно эта часть, скорее всего, включает в себя предпринимателей), однако их либерализм носит чисто технологический характер и направлен на «оптимизацию» государства. При этом отличительной чертой данной субкультуры является принципиальная предрасположенность к сотрудничеству с органами государственной власти. Таким образом, предприниматели, попадающие в данную субкультуру, легче взаимодействуют с властью. В свою очередь государственные служащие, предположительно, в большинстве своём являющиеся «лоялистами», не сходятся с «либералами» в доминирующих ценностях (для «либералов» это свобода, для «лоялистов» это безопасность и государство). И, поскольку, как нам кажется, прослойка предпринимателей может попадать одновременно в эти две субкультуры, то успешность взаимодействия бизнеса с властью будет зависеть, в том числе, от того в какую субкультуру входят представители бизнеса. Если предприниматели «либералы», то взаимодействие будет более трудным по сравнению с предпринимателями-«лоялистами».

Однако данная работа не идеальна, поскольку скорее говорит о политической культуре русского большинства. В ходе сбора эмпирического материала не были задействованы национальные окраины, о чём авторы сами и пишут. Однако, тем не менее, это исследование для российского научного сообщества по своим масштабам уникальное и потому всё равно заслуживает пристального внимания. Повторимся, что исследователи, основываясь на эмпирических данных, подтвердили «доминирование» этатистской составляющей в российской политической культуре.

И для более глубокого понимания сути этатизма в российской действительности мы обратимся к работе Д.В. Гудименко

«Политическая культура России: преемственность эпох» [7], где встречается оригинальное расширенное понимание данной черты:

«Этатизм присущ общественной жизни России: государство доминирует, общество занимает подчинённое положение, что обуславливает неравноправные отношения между государством и индивидом. Отсюда:

1) Огромна политическая роль бюрократии.

2) Патернализм и клиентелизм, патронаж государства.

3) «Выключенность» широких народных масс из повседневного политического процесса, массовая политическая инертность.

4) Отсутствие цивилизованных (или хотя бы корректных) форм взаимоотношений между «верхами» и «низами», правовой нигилизм».

Таким образом, в своей работе автор, отводя этатизму наиболее значимое место, говорит о производности от этатизма других черт политической культуры. Так же автор, указывая на подчинённое положение российского общества, воспроизводит логику русского мыслителя Бердяева, который писал о «женственной» природе русского народа, при которой государство воспринимается как «мужское» начало, то есть как нечто внешнее, оформляющее, вводящее бесконтрольную народную стихию в определённые рамки» [7].

Ещё одной важной работой, на наш взгляд, является, уже опоминавшаяся нами, статья Ю.С. Пивоварова «Русская политическая культура и political culture (Общество, власть, Ленин)» [20], Важна она, потому что добавляет в концепт российской политической культуры такое понятие как «власть-собственность», заимствованное Пивоваровым из исторической науки. Суть данного понятия заключается в том, что не наличие

денег и капитала предопределяет обоснованное наличие собственности и возможности для реализации властных амбиций, а, напротив, наличие политической власти является обоснованием для наличия и пользования собственностью. То есть, не собственность предопределяет власть, а власть предопределяет собственность. Такое видение отношения капитала и власти так же присутствует и у Д.В. Гудименко [7].

И для нас это важно, поскольку это объясняет и соединяет базовый для российского общества этатизм с его производными, в интерпретации Д.В. Гудименко, чертами. Вследствие этатизма появляется и закрепляется власть-собственность (или же наоборот), власть-собственность в свою очередь предопределяет и объясняет и значительную роль бюрократии, патерналистский характер государства, «выключенность» широких народных масс из повседневного политического процесса и т.д. Таким образом, концепция «власти-собственности» наводит на мысль о том, что потенциально государственным служащими подсознательно или осознанно, предприниматели и имеющаяся у них собственность воспринимаются, если не как нелегитимная, то, во всяком случае, как вторичная, поскольку эта собственность не предоставляет предпринимателям возможность конвертировать свой капитал в политическую власть. Если говорить о «субкультурах», которые выделяют Зевина и Макаренко в своём исследовании, то все они, кроме «либералов», видят в государстве ключевую направляющую силу общества, что соответствует предложенной нами логике объяснения.

Таким образом, подводя некоторый итог описанию российской политической культуры российским научным сообществом, можно сказать, что доминирующей и определяющей политическую культуру чертой является этатизм. Остальные черты политической культуры являются производными от него. Этатизм, за некоторый историче-

ский промежуток времени выработал в обществе своеобразное отношение к собственности, которое можно условно назвать «власть-собственность». Данная концепция важна для понимания возможной специфики взаимодействия бизнеса и власти в российской действительности. В рамках данной концепции частная собственность, не подкреплённая политическими возможностями, является менее значимой, чем сами по себе политические возможности без частной собственности. Такое отношения у государственных служащих потенциально не предрасполагает их к равноправному диалогу с представителями бизнеса, что делает коммуникацию со стороны власти более трудной. В свою очередь, предрасположенность к коммуникации с представителями власти со стороны бизнеса обусловлено вхождением представителей бизнеса в одну из выделенных в рамках российской действительности политических субкультур. Если представители бизнеса являются «либералами», то взаимодействие будет труднее, если, представители бизнеса являются «лоялистами», то взаимодействие будет легче.

СРАВНЕНИЕ ПОДХОДОВ К РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ В ЗАРУБЕЖНОЙ И ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУКЕ

Теперь, после того как мы определились с тем, каким видится российская политическая культура российским исследователям, необходимо проследить насколько это видение отличается от точки зрения зарубежных коллег.

Противоречивость российского общества, которую в своём исследовании отмечает Меланкон, так же находит отражение и в российских работах. Однако если Меланкон заявляет об этом, как о конкретной характеристике, присущей российскому обществу в конкретный исторический период времени, то отечественные исследователи выделяют эту черту, как естественную для российского общества в течение всей истории [17]. Таким образом, в данном случае российские исследователи не противоречат зарубежным, а

скорее глубже раскрывают данную характеристику.

Так же сходятся представления западного научного сообщества и отечественного относительно присущей российскому обществу идее «мессианства». Так, например, иллюстрируя данное явление, исследователи А.В. Лукин и П.В. Лукин пишут следующее: «идея «Москва – Третий Рим» играла важную роль в общественной мысли России XVI-XVII вв.» [29]. Это перекликается с идеей эсхатологичности, высказанной тем же Меланконом.

Так же в зону консенсуса входит «правовой нигилизм», который упоминается, как у отечественного исследователя Д.В. Гудименко [7] или И.В. Петрушина [19], так и у Миллара [57]. Только, если у Миллара эта черта выводится как некая отдельная переменная, то Гудименко рассматривает её, как мы уже говорили ранее, в качестве производной от этатизма. Однако в понимании исследователей российское общество не столько отрицает закон, сколько отрицает его, как ценность саму по себе. Закон, по мнению российских исследователей, является составной частью чего-то большего, как верно замечает Щербина [32]: «содержательно сознание структурировано так, что «базисные ценности - порядок, закон, благосостояние, мир, добродетель - интегрированы в идеал справедливости». Таким образом, «правовой нигилизм» скорее стоит воспринимать как иное понимание самого понятия «закон» в российской политической культуре, чем его отрицание.

Так же более глубокое развитие получила в российском научном сообществе и другая мысль. Если Дж.У. Хан [39], подчёркивает, важность роли образованной молодёжи, как потенциального двигателя изменения политической культуры, то Э.Баталов, косвенно соглашаясь с ним, расширяет список влияющих на изменение политической культуры факторов [1].

Кроме того, отечественное научное сообщество находится, можно сказать, в одном

тренде с западным сообществом, поскольку и там и там всё чаще и чаще говорится о необходимости тем или иным образом включить институты в концепцию политической культуры. Это отражает тенденцию связанную, как выразился Э.Баталов, с необходимостью ухода от бихевиоралистской традиции [1]. Многие исследователи отмечают податливость институтов политической культуре [35, с. 2]. Кто-то утверждает, что политическая культура, так или иначе, но претерпевает изменения, вследствие институциональных реформ [11]. Подобное видение роли, значения и влияния политической культуры соответствует представлениям К. Вегрена [65], который, отмечая один из способов изменения политической культуры, как "принудительный", говорил, что это возможно сделать через создание и поддержание соответствующих общественных институтов.

Однако наиболее, если так можно выразиться, оригинальный подход демонстрирует Б.И. Краснов. Он не просто объединяет политическую культуру и институты, а органично вписывает институты в концепт политической культуры. Саму политическую культуру он видит как «рациональную адаптацию установок и требований к институциональной среде» [13]. Он так же предлагает оригинальный подход видения политической культуры как некой матрицы.

Можно сказать, что российское видение концепта политической культуры идёт по тому же пути, что и зарубежное. Концепт переживает те же трудности с безответственным использованием, что и на Западе. При этом так же можно зафиксировать, что российские исследователи склонны считать политическую культуру динамической, изменяющейся переменной. Разумеется, существует много работ, которые говорят о высокой доле преимущества в российской политической культуре. Однако они касаются некоторых ключевых вещей и понятий и не претендуют на понимание политической культуры в качестве раз и навсегда утвердившейся и прошедшей без изменений сквозь

века. Так же российские исследователи, можно сказать, поддерживают западных коллег, в их видении необходимости ухода от бихевиоралистской традиции и включения институтов в концепт политической культуры.

Подводя итог соотнесению видения российской политической культуры, как зарубежными, так и отечественными исследователями, можно сказать следующее: необходимо соединить видение российской политической культуры на данном этапе с общенаучным трендом по включению в концепт политической культуры фактора влияния структур и институтов. С учётом выделенной значимости этатизма для российского общества, а также обозначенных ранее субкультур российского общества, необходимо проследить, каким образом могут влиять разные структуры и институты на включённых в них индивидов, а также на то, каким образом это влияние соотносится со спецификой конкретной субкультуры. Данная работа может стать основой для выделения потенциальных проблем взаимодействия бизнеса и власти, вызванных политической культурой российского общества.

ФОРМУЛИРОВАНИЕ ГИПОТЕЗЫ

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ РАМКА

Перед тем как установить некоторые методологические рамки работы, необходимо определиться какие, с теоретической точки зрения, у политической культуры могут быть особенности. Для этого последовательно разберём некоторое теоретическое видение понятия «культуры», с точки зрения Толкота Парсонса и теоретическое видение понятия «политическое», с точки зрения Карла Шмитта.

Позиция, выраженная Толкотом Парсонсом [63], заключается в том, что культурные образцы (паттерны), являются одновременно объектом ориентации и её [ориентации] элементом, своего рода «интернализированным компонентом ориентации действия» [63]. Таким образом, по Парсонсу получается,

что культурные образцы (паттерны), интернализируясь или институционализируясь, становятся продолжительными элементами одновременно как персональных систем, так и общественных систем. Вдобавок Парсонс выделяет такую специфическую черту культуры [культуры в принципе, а не только политической] как невозможность идентифицировать её с конкретной системой действий. То есть, по сути, Парсонс говорит об отсутствии у культуры собственного предметного поля.

Если вспомнить работу «О политическом» Карла Шмитта [31], то там автор отмечал, что политическое само по себе так же не имеет предметного поля и может проявляться в самых разных сферах жизни общества. Если добавить к специфической черте культуры, выделенной Парсонсом, описание политического Карла Шмитта, то получится, что «политическая культура» это концепт, в основе которого лежат два понятия, не имеющего собственного предметного поля.

Таким образом, вставая на позицию Парсонса и Шмитта, мы можем, отвечая на поставленные нами вопросы, не выбирать крайние позиции и однозначно заявлять, что политическая культура, например, должна изучать только индивидов или только структуры. Озвученная Парсонсом и Шмиттом точка зрения, даёт нам теоретическое обоснование для того, чтобы согласиться с необходимостью рассматривать политическую культуру, как концепт, который может и должен объединить в себе, очень разные предметы рассмотрения.

Прежде чем заниматься концептуализацией «политической культуры» необходимо разобраться, какую методологию для этого можно использовать. Как нами было уже неоднократно отмечено, на данный момент существует некоторая общая тенденция или, по крайней мере, общее признание того, что бихевиоралистская методология, на которой основан концепт Алмонда и Вербы, требует пересмотра. Однако необходимо вы-

яснить, какие именно бихевиоризм накладывает ограничения на исследователя и почему это плохо, прежде чем рассматривать альтернативные варианты методологии.

Основным предположение бихевиоризм является то, что значимым предметом для изучения является только поведение индивида. И, вследствие этого, бихевиоризм пренебрегает влиянием, которое оказывают институты и структуры на социальную действительность. Если мы рассматриваем политическую культуру с бихевиоралистской точки зрения, то это фактически закрывает нам возможность для дачи каких-либо рекомендаций. В бихевиоралистской трактовке мы, по сути, можем только зафиксировать некоторый статус-кво, который будет выражаться в описании определённых паттернов определённых социальных групп. Или если нами проводятся несколько сопоставимых по тематике исследований в течение какого-то периода времени, мы можем говорить о некоторой динамике. То есть, мы можем заявить, что некоторая социальная группа N имеет некоторую тенденцию X, которая выражена паттернами Y и Z. И это максимум, что нам может дать такая методологическая рамка. Однако что, если мы выявили тенденцию, которая может носить очень тревожный характер? Или что, если нас не устраивает существующий политико-культурный статус-кво некоторой социальной группы? Иными словами, что делать, если мы хотим повлиять на политическую культуру или какой-либо её аспект?

Если мы работаем в рамках бихевиоризма, то логичным ответом будет необходимость изменения ценностей, установок и образцов поведения индивидов. Однако тогда встаёт вопрос как эти ценности, установки и образцы поведения формируются? И ответом будет - через социализацию.

Социализация, в рамках подобной методологии, определяется следующим образом: «механизм воспроизводства и производства политической культуры общества», посредством которого осуществляется процесс

усвоения индивидами существующих в политической системе политических норм, ценностей, образцов политического поведения, а также приобретается новый политический опыт и вырабатываются «собственные политические взгляды, установки и модели политического поведения, обусловленные личностными особенностями индивида и спецификой социально-политической и экономической среды» [11].

Однако, исходя из определения социализации, совершенно непонятно на какой из её аспектов возможно повлиять, чтобы изменить политическую культуру. И как нам кажется связано это с тем, что социализация, предположительно, может происходить в институтах, которые бихевиоризм старается исключить из своей объяснительной конструкции.

Подводя итог, обзору бихевиоризма, можно сказать, что методология требует пересмотра именно потому, что бихевиоризм своими методологическими предпосылками налагает как теоретически ограничения, связанные с сужением круга возможных предметов для исследования, так и практические ограничения, связанные с невозможностью объяснить механизмы изменения политико-культурного статуса-кво.

И на наш взгляд, действительно стоит обратить пристальное внимание на методологию нового институционализма. В рамках нового институционализма так же существует некоторые подвиды методологий, в частности, методология нормативно-социологического институционализма.

Нормативно-социологический институционализм при всей своей гибкости сохраняет баланс между представлениями об экзогенных и эндогенных истоках института [55], признавая, что, будучи однажды сформирован экзогенно, институт, с течением времени, начинает сам структурировать общественную жизнь. В рамках данной методологии, предполагается, что институты являются

продуктом социальной деятельности, возможно даже продуктом деятельности не всего общества, а какой-либо конкретной группы общества. И когда какой-либо институт создаётся, в него закладываются определённые цели, возможно даже ценности. Но, люди, находящиеся в этом институте по привычке пытаются действовать в нём по паттернам, усвоенным ими из старых институтов. Однако в рамках нового института реализовывать паттерны тем же образом, что и в старом институте не получается, вследствие чего, паттерны преобразовываются и корректируются. Таким образом, новый институт путём ограничения и направления индивидов рамками своего существования с течением времени преобразовывает социальную действительность. Такое видение функционирования институтов кажется нам наиболее соответствующим затронутой нами в данной работе проблеме. Кроме того, нормативно-социологический институционализм предполагает относительно лёгкую (по сравнению с другими институциональными подходами) возможность трансформации институтов.

На наш взгляд, в контексте рассматриваемой нами проблемы, разумнее использовать наиболее широкое понимание институтов из возможных. Существует работа Роберта Патнема «Чтобы демократия работала» [23], где автор пытался скомбинировать три разных подхода к пониманию институтов и использовал для этого наиболее широкое из возможных определение института, предложенное Дугласом Нортон: «институты - это правила игры в обществе». По итогам своего эмпирического исследования Патнем делает вывод, что нельзя однозначно сказать, что именно является первичным по отношению к воздействию на общество - структура или культура. Патнем пишет, что гражданское сообщество образуется как культурными нормами, так и социальными структурами, и поведенческими паттернами, которые в совокупности образуют запутанную причинно-следственную взаимосвязь. Однако автор всё-таки делает значимый вывод:

институты усиливаются даже, когда они социально неэффективны, поскольку индивиду легче адаптироваться под существующую структуру, нежели пытаться её изменить (хотя, гипотетически это возможно). Таким образом, Роберт Патнем косвенно подтверждает нашу догадку о том, что социализация индивида проходит не в вакууме, а непосредственно в институтах. Опираясь на подход Патнема, который в своей работе скомбинировал как институциональные, так и социокультурные исследования, мы предложим свою трактовку концепта политической культуры.

Если, отвечая на вопрос «зачем использовать такой подход?», кратко сформулировать аргументацию, то можно сказать, что данный подход, с одной стороны, расширяет наше предметное поле, позволяя нам включать в качестве предмета своего анализа институты (но при этом не исключает индивида), а, с другой стороны, расширяет наши практические возможности, поскольку предполагает возможность изменения, в том числе и структурных элементов политической культуры, через изменение институтов.

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ

Для того чтобы разработать какой-либо концепт, который был бы применим на практике для реальных эмпирических исследований, необходимо сначала определиться с критериями, которым этот концепт должен удовлетворять. Как можно было заметить из первых двух глав данной работы, концепт политической культуры использовало большое количество авторов и многие из них привносили в него что-то своё или же предъявляли определённые новые требования к данному концепту.

И, на наш взгляд, в этом контексте существует интересная работа Стефана Чилтона [38], в которой последовательно анализируются разные, предложенные исследователями концепты политической культуры, в результате чего автор, выделяет 9 критериев,

которыми должно удовлетворять определение политической культуры. Вот они:

1) Надчленство (Supramembership). Суть этого критерия заключается в том, что определение должно предполагать, что политическая культура является своего рода глобальной характеристикой, агрегированной из индивидуальных предпочтений.

2) Разделяемость (Sharedness). Этот критерий предполагает, что все носители определённой политической культуры должны осознанно разделять между собой характеристики этой политической культуры.

3) Неодинаковость воздействия (Inequality). Эта характеристика обращает внимание на то, что одна и та же характеристика политической культуры может отражаться на разных индивидах – носителях в разной (большей или меньшей) степени.

4) Поведенчество (Behavioral). Данный критерий означает то, что эффект политической культуры должен отражаться в конкретном поведении людей.

5) Пост-поведенчество (Post-behavioral). Этот критерий предполагает, что концепция не должна основываться на исключительно закономерностях поведения людей, поскольку другие факторы, которые не связаны с политической культурой (например, география), так же могут определять некоторые закономерности поведения.

6) Неограниченная применимость (Unrestricted Applicability). Этот критерий предполагает то, что концепция должна быть применима ко всему разнообразию общественных организаций (как-то армия, правительство, политическая партия и т.д.)

7) Нередуцируемость (Non-Reductionism). Предполагает, что определение каждой отдельной политической культуры не должно сводиться к перечислению некоторого количества характерных черт, поскольку такой подход к проблеме ничего

не скажет об уникальности конкретной политической культуры.

8) Сравнимость (Comparability). Этот критерий предполагает, что каждая конкретная политическая культура может быть сравнена с другой политической культурой, в том числе в рамках конкретного общества.

9) Проверяемость (Objective Testability). Наконец, последний критерий подчёркивает, что в каждом случае исследования политической культуры должно быть возможно сформулировать чёткую гипотезу, которую можно было бы проверить на основании эмпирических данных.

Собственно, по мнению автора, эти критерии призваны в совокупности решить наиболее важные, по его же мнению, проблемы политической культуры, а именно: потребность политической культуры в новых формах анализа (критерии 1, 2, 5); необходимость соотнесения микро и макро уровней анализа (критерии 1, 2); необходимость более глубокого понимания политической культуры нежели сведения её к нескольким описательным характеристикам (критерии 3, 6, 7); обеспечение научной ценности (критерии 4, 5, 8, 9).

Основываясь на данных критериях, а также, опираясь на ранее рассмотренный нами подход Роберта Патнема, мы предлагаем следующее общее определение политической культуры:

Политическая культура – это совокупность ценностей индивида, а также установок, и образцов поведения индивида по отношению к политической системе и по отношению к собственной роли индивида в политической системе, которая формируется и приобретает индивидом в результате социализации, процесс которой детерминируется разными общественными институтами.

Данное определение является, своего рода, развитием классического определения Алмонда и Вербы, однако дополнительно включает в своё исследовательское поле институты, чем способствует «неограниченной

применимости концепта» (критерий 6 в типологии Стефана Чилтона), которой не хватало концепту Алмонда и Вербы.

Также мы предлагаем возможное определение российской политической культуры:

Российская политическая культура – это совокупность некоторого количества субкультур, в которых индивиды, чаще всего, ценностно ориентированы на государство, а среди установок присутствует приоритетность политических возможностей над возможностями финансовыми. Ценности, установки и образцы поведения индивида по отношению к политической системе и по отношению к собственной роли индивида в политической системе формируются и приобретаются индивидом в результате социализации, процесс которой детерминируется разными общественными институтами.

Данное определение отличается от общего определения политической культуры тем, что оно подчёркивает некоторые особенности российской политической культуры, которые были выделены исследователями в предыдущие годы. Однако это определение не страдает от редуцируемости (критерий 7 в типологии Стефана Чилтона), поскольку, перечисление характерных черт здесь, во-первых, не исчерпывающее, а, во-вторых, не универсальное. Не универсальное оно потому, что предполагается, что данные черты разделяются большинством общества, а другие члены общества (которые данные черты не разделяют) знают о том, что они находятся в меньшинстве. А перечисление неисчерпывающее, потому что выделенные черты, прежде всего, необходимы для исследования влияния политической культуры на деловую среду.

Исходя из приведённых выше определений, а также исходя из работы, проделанной в предыдущих главах, мы предлагаем следующую гипотезу:

- российская политическая культура негативно влияет на деловую среду, поскольку ценности и установки, разделяемые большинством членов общества, выделяют государство и связанных с обеспечением его работы людей, как более значимые группы общества, что затрудняет взаимодействие представителей бизнеса с властью, так как не создаёт предпосылок для выстраивания равноправного диалога.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе данной работы нами было установлено, что доминирующим концептом в исследовании зарубежных исследователей является концептуализация, предложенная Алмондом и Вербой в 1963 году. Так же нами было отмечено, что данный подход критикуется, во-первых, за невозможность объяснить возможные политические изменения, во-вторых, за исключение из объяснительной конструкции институтов и чрезмерное внимание по отношению к индивидам.

Далее нами было выяснено, что видение российской политической культуры российскими и зарубежными исследователями не имеют принципиальных разногласий. Среди наиболее важных черт, нами был отмечен этатизм и произведённое им специфическое отношение к собственности, которое имеет название «власть-собственность». В рамках данной установки политические возможности являются первичными по отношению к финансовым возможностям, так как политический капитал легко может быть преобразован в финансовый, а финансовый в политический нет. Так же нами было отмечено выявление в рамках российской политической культуры существования нескольких субкультур, среди которых наиболее важными, в контексте рассматриваемой нами проблемы, являются «лоялистская» и «либеральная» политические субкультуры. Причастность предпринимателя к той или иной субкультуре потенциально может влиять как негативно, так и позитивно на взаимоотношения с органами власти, хотя данное пред-

положение требует дополнительно исследования в качестве обоснования и открывает, возможно, бедующее поле для эмпирических работ в этой области.

В конце работы нами была предложена теоретическая основа, включающая в себя некоторые аспекты теории Толкота Парсонса и Карла Шмитта, которая обосновывает необходимость включения, как институтов, так и индивидов в исследовательскую рамку при изучении вопросов, связанных с политической культурой. Так же нами была предложена методологическая рамка, предполагающая уход от парадигмы бихевиоризма и использование широкого подхода, предложенного Робертом Патнемом.

Итогом нашей работы стало новое определение политической культуры, а также новое определение российской политической культуры, которое расширяет исследовательские возможности и позволяет не только фиксировать существующий политико-культурный статус-кво, но и давать рекомендации, по воздействию на него. Данное определение, а также проделанная до этого работа, позволила нам предложить следующую гипотезу, которая возможно, станет основой для возможных будущих исследований в этой области:

- российская политическая культура негативно влияет на деловую среду, поскольку ценности и установки, разделяемые большинством членов общества - которые усваиваются индивидами через институты, в том числе, институты государственного управления - выделяют государство и связанных с обеспечением его работы людей, как более значимую группу общества, что затрудняет взаимодействие представителей бизнеса и власти между собой, так как не создаёт предпосылок для выстраивания равноправного диалога.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1) Баталов Э. Политическая культура России сквозь призму *civic culture* // *Pro et Contra*. - 2002. - Т. 7. - № 3.

- 2) Баранов Н.А. Политическая культура России: традиции и современность // Труды СПбГУКИ. 2015. [Электронный ресурс] URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/politicheskaya-kultura-rossii-traditsii-i-sovremennost> (Дата обращения: 10.04.2017).
- 3) Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. – М.: АСТ, 2006.
- 4) Бенкендорф Александр Христофорович // Russika.ru: Энциклопедический фонд [Электронный ресурс] URL: <http://www.russika.ru/t.php?t=3026> (Дата обращения: 01.04.2017).
- 5) Будаева Д.Ц., Черкун Е.Ю., Электоральное поведение и электоральные предпочтения как элементы политической культуры // Вестник БГУ. 2013. № 6. [Электронный ресурс] URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/elektoralnoe-povedenie-i-elektoralnye-predpochteniya-kak-elementy-politicheskoy-kultury> (Дата обращения: 10.04.2017).
- 6) Григорян Д.К. Политическая культура личности и власть в условиях современных российских социально-политических процессов: Автореф. ... дис. канд. полит. наук. - Ростов-на-Дону, 2008.
- 7) Гудименко Д. Политическая культура России: преемственность эпох // Полис. 1994. № 2.
- 8) Гумилев Лев Конец и вновь начало // Современные идеологические мифы [Электронный ресурс] URL: <http://myths21.hop.ru/gumilev1.htm> (Дата обращения: 01.04.2017).
- 9) Даринская, Е.В. Мифологические составляющие политической культуры России // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. № 2. [Электронный ресурс] URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/mifologicheskie-sostavlyayushchie-politicheskoy-kultury-rossii> (Дата обращения: 10.04.2017).
- 10) Зевина О. Г., Макаренко Б. И. Об особенностях политической культуры современной России // Полис. Политические исследования. - 2010. - № 3. - С. 114-131.
- 11) Карпова Н.В. Социология политической культуры современной России. - М.: ООО НИЦ «Инженер», 2012.
- 12) Ключева Н.В., Дорфман Л.Я. Феноменологический метод исследования в консультационной психологии: методологический анализ // Вестник ЮУрГУ. Серия: Психология. 2008. № 33 (133). [Электронный ресурс] URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/fenomenologicheskiy-metod-issledovaniya-v-konsultatsionnoy-psihologii-metodologicheskiy-analiz> (Дата обращения: 01.10.2016).
- 13) Краснов Б.И. Теория власти и властных отношений // Социально-политический журнал. - 1994. - № 6.
- 14) Кутковец Т. И., Клямкин И. М. Русские идеи // Полис. Политические исследования. 1997. - № 2.
- 15) Луцак О.А., Абрамова Н.А. Философско-антропологические основания китайской политической культуры // Вестник ЗабГУ. - 2010. - № 8.
- 16) Мусихин Г.И. Очерки теории идеологии. - М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. - 219 с.
- 17) Никлаус А.А. Особенности современной политической культуры России // Власть. - 2010. - № 11.
- 18) Пастухов А.В. Политическая культура как фактор развития гражданской активности в современной России // Теория и практика общественного развития. - 2014. - № 2.
- 19) Петрушин И.В. Политическая культура населения в контексте современных проблем построения гражданского общества в России // Ученые записки РГСУ. 2009. - № 1.

- 20) Пивоваров Ю.С. Русская политическая культура и political culture (Общество, власть, Ленин) // Pro et Contra. - 2002. - №3.
- 21) Притчина Е.В. Политические ценности и установки жителей Алтайского края и Республики Алтай сквозь призму политико-культурной матрицы России // Известия АлтГУ. - 2014. - № 4 (84).
- 22) Путеводитель по выборам: политическая Россия. М.: ВЦИОМ, 2007.
- 23) Патнем Р. Чтобы демократия сработала // Дистанционное образование Казанского федерального университета [Электронный ресурс] URL: http://edu.kpfu.ru/pluginfile.php/113782/mod_resource/content/1/R_Patnem_-_Chtoby_demokratia_srabotala.pdf (Дата обращения: 30.04.2017).
- 24) Растимешина Т.В. Культурное наследие и подданническая политическая культура российского общества // Власть. - 2012. - № 2.
- 25) Тойнби А.Дж. Постигание истории. Сборник. М.: Айрис-Пресс, 2002. - 640 с.
- 26) Туровский Р.Ф. Концептуальная электоральная карта постсоветской России // Политика. - 2005 - № 4.
- 27) Туровский Р.Ф. Культурные ландшафты России. М.: Институт наследия. - 1998.
- 28) Туровский Р.Ф. Политическое расслоение российских регионов (история и факторы формирования). // Партийно-политические элиты и электоральные процессы в России. Круглый стол бизнеса России. Аналитические обозрения Центра комплексных социальных исследований и маркетинга. Серия: политология. 2006. Вып. 3 (17).
- 29) Ульянов Н.И. Комплекс Филофея // Вопросы истории. - 1994. - № 4.
- 30) Шлык Л.Н. Политическая культура в системе культуры общества // Вестник ЧГАКИ. - 2010. - № 4 (24).
- 31) Шмитт К. Понятие политического // СтудМед [Электронный ресурс] URL: http://www.studmed.ru/view/shmitt-k-ponyatie-politicheskogo_c0bfde9b150.html (Дата обращения: 13.12.2016).
- 32) Щербина Н.Г. Архаика в российской политической культуре // Полис. - 1997. - № 5.
- 33) Almond G. Comparative Political Systems // Journal of Politics. - 1956.
- 34) Almond G., Verba, S. The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations. - Princeton: Princeton University Press, 1963.
- 35) Almond G. A., Verba S. The Civic Culture. Boston, MA: Little, Brown and Company, 1965
- 36) Baker J.H. «Comments», paper presented at the American Historical Association Annual Meeting. 1988. № 3 [Электронный ресурс] URL: <http://www.jstor.org/stable/207089> (Дата обращения: 07.01.2017)
- 37) Beer S.H., Eckstein H., Spiro, H.J., Ulam A.B., Wahl N. Patterns of Government: The Major Political Systems of Europe. - New York: Random House, 1962.
- 38) Chilton S. Defining Political Culture / The Western Political Quarterly // JStore [Электронный ресурс] URL: <http://www.jstor.org/stable/448596> (Дата обращения: 07.01.2017).
- 39) Creswell J.W. Qualitative inquiry and research design: Choosing among five approaches. - 2 ed. - London: Sage Publications, 2007.
- 40) Dittmer L. Political Culture and Political Symbolism: Toward a Theoretical Synthesis. // World Politics. - 1977. - N 29. - P. 552-583.

- 41) Elazar D.J. American Federalism: A View from the States. - 3 ed. - New York: Harper and Row, 1984.
- 42) Elkins D.J., A Cause in Search of Its Effect, or What Does Political Culture Explain // Comparative politics. - 1979. - № 11.
- 43) Epstein D.J. Ballot Access, «Vlast'» Dominance, and «Pomoshchnik» Political Culture in Russia's Subnational Executive Elections // JStore [Электронный ресурс] URL: <http://www.jstor.org/stable/43737660> (Дата обращения: 07.01.2017).
- 44) Fléron F.J. Post-Soviet Political Culture in Russia: An Assessment of Recent Empirical Investigations // JStore [Электронный
- 45) Formisano R.P. The Concept of Political Culture / The Journal of Interdisciplinary history // JStore [Электронный ресурс] URL: <http://www.jstor.org/stable/207089> (Дата обращения: 07.01.2017).
- 46) Giovanni S. Concept Misformation in Comparative Politics // The American Political Science Review. 1970. N 64 (4). P. 1033-1053.
- 47) Hahn J.W. Continuity and Change in Russian Political Culture // JStore [Электронный ресурс] URL: <http://www.jstor.org/stable/193769> (Дата обращения: 07.01.2017).
- 48) Inglehart R.F. The Renaissance of Political Culture // StudFiles [Электронный ресурс] URL: <http://www.studfiles.ru/preview/3152404/> (Дата обращения: 10.01.2017).
- 49) Jackman R.W., Miller R.A. A Renaissance of Political Culture? // Higher School of Economics [Электронный ресурс] URL: <http://proxylibrary.hse.ru:2119/stable/pdf/2111787.pdf> (Дата обращения: 28.12.2016).
- 50) Kroeber A., Kluckhohn C. Culture: A Critical Review of Concepts and Definitions. - N.Y.: Randon House, 1952.
- 51) Levine D.H. Issues in the Study of Culture and Politics: A View from Latin America // Publius - 1974. - № 2.
- 52) March J., Olson J. Elaborating the «New Institutionalism» // The oxford Handbook of political institutions. - Oxford: Oxford university press, 2006.
- 53) Millar J.R. Politics, Work, and Daily Life in the USSR: A Survey of Former Soviet Citizens. - Cambridge: Cambridge University Press, 1987.
- 54) Nandy A. Entrepreneurial Cultures and Entrepreneurial Men // Higher School of Economics [Электронный ресурс] URL: <http://proxylibrary.hse.ru:2119/stable/pdf/4363219.pdf> (Дата обращения: 31.12.2016).
- 55) Pepinsky T. The Institutional Turn in comparative authoritarianism // British journal of political science. - 2014. - P. 631-653.
- 56) Petro N. N. The Rebirth of Russian Democracy: An Interpretation of Political Culture. - Cambridge: Harvard University Press, 1995.
- 57) Phenomenology // OnlineQDA [Электронный ресурс] URL: <http://onlineqda.hud.ac.uk/methodologies.php#Phenomenology> (Дата обращения: 01.10.2016).
- 58) Phenomenology // Stanford Encyclopedia of Philosophy [Электронный ресурс] URL: <http://plato.stanford.edu/entries/phenomenology/#1> (Дата обращения: 01.10.2016).
- 59) ресурс] URL: <http://www.jstor.org/stable/153208> (Дата обращения: 07.01.2017).
- 60) Popular Political Culture in Late Imperial Russia (1800-1917) [Электронный ресурс] URL: <http://www.jstor.org/stable/24657651> (Дата обращения: 07.01.2017)
- 61) Pye L. W. Culture and Political Science: Problems in the Evolution of the Concept of Political Culture // Social Science Quarterly. - 1972. - № 52.
- 62) Silbey J.H. The State and Practice of American Political History at the Millennium:

The Nineteenth Century as a Test Case // Journal of Policy History. - 1999. -N 13.

63) Parsons T., Edward A. Shils. Toward a General Theory of Social Action, 1952.

64) Wortman R. «Muscovite Political Folkways» and the Problem of Russian Political Culture // The Russian Review // JStore [Электронный ресурс] URL: <http://www.jstor.org/stable/130627> (Дата обращения: 07.01.2017).

65) Wegren S.K. Rural Reform and Political Culture in Russia by // JStore

[Электронный ресурс] URL: <http://www.jstor.org/stable/152703> (Дата обращения: 07.01.2017).

66) Welch L. Concept of Political Culture. - London: Palgrave Macmillan, 1993.

67) Young C. K. The Concept of Political Culture in Comparative Politics // The Journal of Politics // Jstore [Электронный ресурс] URL: <http://www.jstor.org/stable/2127599> (Дата обращения: 09.01.2017).